

В. Г. Белинский

**Русская грамматика
Александра Востокова...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Русская грамматика Александра Востокова...

«...Несмотря на бесчисленное множество «российских» и русских грамматик, русская грамматика до сих пор находится в состоянии младенчества. Скажем более: до сих пор нет еще русской грамматики, и до сих пор русская грамматика существует предположительно. Это доказывается и тем, что нет двух русских грамматик, которые были бы согласны между собою в признании главных законов русского языка, – тем еще, что для учащихся грамматика русская есть наука трудная, тяжелая, скучная, внушающая страх и отвращение, – и наконец тем, что для русского мальчика легче выучиться грамматике какого угодно иностранного языка, чем грамматике своего родного (о девочках мы и не говорим: русская грамматика для них навсегда остается облеченною покрывалом Изиды)...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Русская грамматика
Александра Востокова...**

РУССКАЯ ГРАММАТИКА АЛЕКСАНДРА ВОСТОКОВА, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Издание шестое, исправленное. Санкт-Петербург. В тип. императорской Академии наук. 1844. В 8-ю д. л. 355 и XVI стр.

Несмотря на бесчисленное множество «российских» и русских грамматик, русская грамматика до сих пор находится в состоянии младенчества. Скажем более: до сих пор нет еще русской грамматики, и до сих пор русская грамматика существует предположительно. Это доказывается и тем, что нет двух русских грамматик, которые были бы согласны между собою в признании главных законов русского языка, – тем еще, что для учащихся грамматика русская есть наука трудная, тяжелая, скучная, внушающая страх и отвращение, – и наконец тем, что для русского мальчика легче выучиться грамматике какого угодно иностранного языка, чем грамматике своего родного (о девочках мы и не говорим: русская грамматика для них навсегда остается облеченною покрывалом Изиды). Посмотрите, до какой ясности, определенности, простоты и до какого *единства в началах* доведена французская грамматика: русская в этом отношении диаметрально противоположна ей. Можно встретить иностранную книгу, небрежно напечатанную, то есть изобилующую типографическими ошибками;

но невозможно встретить иностранной книги, напечатанной с орфографическими ошибками, или книги с особенным, только ей принадлежащим правописанием. У нас, на Руси, невозможна книга без опечаток: таково уж свойство наших типографий! Книги с ошибками против правописания у нас весьма обыкновенны; что же касается до правописания как принципа, то нет у нас журнала, нет книги, у которых не было бы своей, особенной системы орфографии. Отчего это? Оттого, что у нас нет грамматики, а грамматики нет оттого, что наш язык еще не установился и не разработан филологически. Журналисты часто упрекают друг друга в грамматических нововведениях, называя их произвольными и искажающими русский язык; некоторые из них указывают на язык Карамзина и его орфографию как на *норму*, которой обязаны все держаться. Жалкое ослепление, смешное заблуждение! Эти люди не понимают, что русский язык после Карамзина шел не назад, а вперед, и шел быстро, а потому и ушел далеко. Заслуги, оказанные русскому языку Карамзиным, огромны, — чему лучшим доказа-

тельством служит то, что только с легкой руки Карамзина русский язык получил свойство быстрой усовершенствованности. Сравните язык Карамзина с языком Крылова, Жуковского[1], Пушкина, Грибоедова, Лермонтова и Гоголя – и вы увидите, что в сравнении с языком этих писателей язык карамзинский кажется более как будто нерусским, нежели сколько язык Ломоносовский кажется совсем нерусским в сравнении с языком карамзинским. Неисторический язык Карамзина{1} ознаменован печатью какой-то бесцветной общности, вследствие которой он очень удобен для переводов на какой угодно язык, подобно тем легоньким пьескам, которыми наполняются хрестоматии для начинающих учиться переводить. Этот язык совершенно лишен национального колорита и чужд собственно русским оборотам, которые можно было бы назвать «русизмами», как французские обороты называются «галлицизмами». Исторический язык Карамзина, более русский и самоцветный, отзывается какою-то искусственностью, годною только для эпических поэм в прозе, которые были в ходу в прошлом столетии. По-

вторяем: сказанное нами нисколько не унижает великих заслуг Карамзина; если современный русский язык так неизмеримо далеко опередил язык карамзинский, то все же он обязан этим таланту Карамзина. Если у нас теперь почти столько же орфографий, сколько журналов и книг, это происходит совсем не от прихоти литераторов, а от причины существенной и не зависящей от произвола: у нас нет грамматики, а нет ее потому, что она еще невозможна. Со времен Мелетия Смотрицкого русская грамматика почти до сих пор была переводом то греческой, то латинской, то французской. Давно ли поняли наши грамматисты, что русские глаголы имеют только *три* времени – настоящее, прошедшее и будущее, и то в одном *неопределенном* виде, а в *совершенном* только два – будущее и прошедшее, что в них нет и не бывало ни прошедшего неопределенного, ни давнопрошедшего, ни однократного и т. д. и что в русских глаголах важны *виды*, а не *времена*?^{2} Следовательно, давно ли грамматисты наши поняли, что латинские глаголы вправе иметь сколько им угодно *времен* не в пример русским, которые,

с своей стороны, имеют полное право следовать гению и духу русского языка, не заботясь нисколько о латинском? Да еще все ли грамматисты наши поняли это даже и теперь? Многие ли из них делят спряжения русских глаголов по 2-му лицу настоящего (а в глаголах совершенного вида – прошедшего) времени единственного числа? Нет, некоторые из них и доселе упорно держатся фальшивого разделения спряжений или по первому лицу настоящего времени, или по неопределенному наклонению, потому что так делятся спряжения в первом случае в латинской грамматике, а во втором – во французской... Русская грамматика будет тогда только возможна, когда русский язык исследуется филологически трудами людей, которые философское образование соединяют в себе с глубоким практическим знанием старого и нового языка русского. И еще не прошло *трех* лет, как положено *первое основание* такому изучению русского языка о. Павским в его «Филологических наблюдениях над составом русского языка»{3}.

Что у нас нет еще грамматики, лучшее доказательство в том, что русская грамматика

есть истинный бич для бедных детей. Между тем должно б быть совсем наоборот, потому что изучение грамматики как науки, в приложении к родному языку, естественно, очень легко. Но наши русские грамматики преисполнены произвольных правил, которых или вовсе чужд русский язык, или которые почерпнуты не из его общего построения, а из каких-нибудь частных наблюдений над отдельными словами, и потому естественно, что на одно правило русская грамматика предобродушно представляет тысяча одно исключение из этого правила. Каково же заучить и запомнить все эти многочисленные правила с бесчисленными исключениями? Обратите внимание на то, как трудно у нас выучить ученика правописанию. Отчего это? Оттого, что все наше правописание есть произвол привычки, предания, педантизма, а не выражение духа русского языка. Самая азбука наша отличается произволом. Не говоря уже о том, что она есть уродливое искажение греческого типа (который сам по себе гораздо хуже латинского, как переход от азиатского к европейскому) и, следовательно, по самому

свойству начертания букв лишает нас всякой возможности красиво и без опечаток издавать книги; не говоря уже обо всем этом, – к чему, зачем, для чего эти двойные буквы *e* и *ѣ*, *и* и *і*, из которых *ѣ* почти совсем не нужно, а *и* решительно не нужна?.. Между тем сколько правил (и при этих правилах сколько исключений!) об употреблении означенных букв! Если бы оставили букву *ѣ* только как пособие для грамматических различий в изменениях слов – это имело бы смысл, и как из этого можно было бы сделать постоянные правила без исключений, то оно было бы легко для изучения. Мы говорим здесь о букве *ѣ*, как необходимой для склонений и спряжений, в предложном и дательном падежах единственного числа большого числа существительных, в творительном падеже единственного числа и во всех падежах множественного числа некоторых местоимений, как: *всѣм*, *кѣм*, *тѣм*, *чѣм*, *всѣ*, *тѣ* и т. д. Но зачем писать *ѣ* в других случаях? Обыкновенно думают, что *ѣ* ставится там, где не может быть звука *ѣ*; но употребление, которое выше и законнее всех грамматик в мире, давно уже смеется над

ЭТИМ правилом, заставив нас выговаривать слова гнѣзда, сѣдла, даже иногда звѣзды, как гнѣзда, сѣдла, звѣзды. Говорят еще, что ѣ ставится там, где у малороссиян наше ё выговаривается через и: прекрасно, но что нам за дело, как выговаривают малороссияне, если мы не считаем нужным сообразоваться с выговором других славянских племен! Притом же малороссы говорят писок, а мы ведь пишем же песок, а не пѣсок. Но смешнее всего то, что пишут: одѣваться и одежда, цвѣсти и цвел, обрѣсти и обрел, реку, речение и рѣчь, нарѣчие. Опираясь педантически на догадку, что в древнерусском языке буквы е и ѣ имели различное произношение и часто в одном и том же слове заменяли одна другую, как, например, теперь е меняется на о и и: реку, рок, нарѣчаю. Да нам-то какое дело, что было и чего не было в древнерусском языке, если мы уже потеряли ключ к этому древнерусскому языку и если гений новейшего русского языка сам отрекся от всех преданий, связывавших его с древнерусским языком? Об этом можно сказать и еще больше и сильнее, и мы непременно сделаем это, подробно разобрав нелепости

русской орфографии, равно как и обратив внимание на безобразие нашей азбуки{4}.

Что касается до грамматики г. Востокова, она, без всякого сомнения, есть доселе лучшая из всех русских грамматик. Конечно, это еще не значит, чтоб она была именно такою грамматикою, какая нужна; но она уже и потому заслуживает большого внимания, что представляет собою материал для будущего грамматиста и заключает в себе много частных заметок и наблюдений, которые мог сделать только человек, долго и основательно изучавший русский язык.

Сноски

1

Говоря о Крылове, мы разумеем *седьмую* и *восьмую* часть его басен – плод позднейший его поэтической деятельности;^{5} а говоря о Жуковском, разумеем его поэтическую деятельность со времени появления Пушкина.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Неисторический язык Карамзина – то есть язык его сочинений до «Истории государства Российского».

[^^^]

2

Учение о видах русского глагола начало развиваться в первом – втором десятилетиях XIX в. (И. Фатер, А. В. Болдырев и др.). Этому в русской грамматической традиции предшествовало представление о сложной системе глагольных времен – по образцу классических и западноевропейских языков. См.: В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М., 1972, с. 379–382.

[^^^]

«Филологические наблюдения над составом русского языка Г. Павского» (в 3-х частях, М., 1841–1842). По характеристике акад. В. В. Виноградова, «впервые у Павского с поразительным талантом и убедительностью вскрыты глубокие связи грамматики и лексики. Методы русского словообразования осмысляются с точки зрения общих тенденций развития русского грамматического строя» (В. В. Виноградов. Русская наука о русском литературном языке. – «Ученые записки МГУ», вып. 106. М., 1946, с. 60).

В «Отечественных записках» характеристике труда Павского были посвящены две статьи Н. И. Надеждииа (1844, № 6 и 8). Ср. также в рецензии на «Грамматические разыскания» В. А. Васильева – наст. т., с. 613–614.

[^^^]

4

Об этом Белинский подробно писал в 1845 г. в статье о книжке К. М. Кодинского «Упрощение русской грамматики» (см.: Белинский, АН СССР, т. IX, с. 328–345).

[^^^]

5

Ср. более развернутую характеристику седьмой и восьмой книг басен в рецензии на «Басни И. А. Крылова» – наст. т., с. 433.

[^^^]

[^^^]